

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ МЕНТАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ

В.Д. Стариченок
(Беларусь, Минск)

Аннотация. В работе на материале вторичных номинаций рассматриваются вторичные ментальные лексико-семантические варианты (ЛСВ), в которых выражаются умственные и интеллектуально-логические способности, духовные, чувственные и волевые качества и оценки человека. В качестве основных источников мотивации, послуживших для образования ментальных ЛСВ, выступают компоненты практически всех лексико-грамматических разрядов слов. С учетом характера соотношения исходного и производного ЛСВ устанавливаются основные закономерности и направления смыслового развития ВТО-ричных номинаций, которые в определенной степени обусловлены семантикой первичных ЛСВ и укладываются в те или иные сценарии семантической деривации.

В современной гуманитарной науке ментальность чаще всего рассматривается как образ мышления, склад ума, мировосприятие, общая духовная настроенность человека (группы), глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. В философских, культурологических, психологических, лингвистических справочниках указывается, что ментальность является внутренним интеллектуальным миром индивида, относительно устойчивой и целостной совокупностью умственных и социально-психологических навыков, духовных установок, воззрений, верований, присущих отдельному человеку или общественной группе.

Одним из проявлений ментальности является язык, в котором отражаются духовные, чувственные и волевые качества национального характера, интеллектуальная жизнь как отдельного человека, так и определенного этноязыкового сообщества [4, с. 11-13; 5, с. 80]. Язык как репрезентант ментальности является и универсальным средством хранения, формирования и представления знания разного уровня, выступает объектом анализа при изучении менталитета, в известной степени определяет способ членения действительности.

Вопросы взаимодействия языковых и ментальных структур активно разрабатываются в многочисленных исследованиях по когнитивной лингвистике, семантике, концептологии (работы Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, В.Г.Гака, В.В.Колесова, Т.В. Булыгиной, И.М.Кобозевой, М.В.Пименовой, Г.И. Кустовой и др.). Языковая репрезентации когнитивных структур представляет собой многоуровневую и многокомпонентную структуру. Основными языковыми средствами, позволяющими эксплицитно выразить ментальность, являются аксиологические лексические единицы, фразеологизмы, пословицы и поговорки, свободные словосочетания прецедентные тексты и др. Совокупность слов, выражений, понятий и концептов, которые относятся к мышлению, некоторые ученые называют «ментальным языком», или «языком мысли», и истолковывают его как «метаязык, на котором задаются единицы концептуальной системы и/или описываются ментальные репрезентации для значения естественных языковых выражений» [3, с. 99].

В корпус слов, репрезентирующих семантическое поле «ментальность», включаются глаголы, прилагательные и существительные, в которых эксплицитно присутствуют семантические компоненты ментальности. В структуру «ментального языкового пространства» также включаются вторичные номинации, образованные от первичных ЛСВ лексических единиц, составляющих ядро других (нементальных) семантических полей. В этом случае лексика относительно простых (базовых) представлений и физических понятий используется для описания более сложных, абстрагированных элементов интеллекта, мышления и сознания человека [2, с. 37]. Реальная практическая деятельность человека, таким образом, отражается в сознании и закрепляется в языке, преобразуясь во внутреннюю отраженную модель мира [1, с. 34] и формируя единую иерархически организованную систему, где более простые метафорические и метонимические концепты служат основанием для образования более сложных концептуальных структур.

Вторичные номинации в своем большинстве образуются на базе исходных значений существующих в языке слов, которые определенным образом трансформируются и соотносятся с новыми фрагменты реальности. Они составляют периферию семантического поля ментальности и выявляются в смысловых структурах глагольных и именных лексических единиц.

В метафорическое поле ментальных процессов, как правило, включаются глаголы с исходным значением восприятия, движения, конкретных физических действий, физиологических процессов и состояний: *доходить* 'размышляя, достигать понимания чего-л., додумываться', *проскальзывать* 'быстро появляться, проходить (в сознании, в мыслях)', *разбежаться* 'утрачивать направленность на что-л., сосредоточенность на чем-л. (о мыслях)', *видеть* 'мысленно представлять, воображать', *уловить* 'понять, постичь что-л. в чьих-л. словах, разговоре и т.п. (какую-л. мысль, смысл чего-л. и т.п.)', *рубить* 'понимать, разбираться в чем-л.', *взвешивать* 'всесторонне обдумывать, оценивать', *раскусить* 'понять, хорошо узнать', *поймать* 'воспринять, постичь рассудком, слухом, зрением'.

Различные аспекты категории ментальности часто выражаются вторичными номинациями, образованными от исходных ЛСВ наименований животных. Человек, который отождествлялся или сравнивался с животными, наделялся определенными характеристиками поведения, умственных способностей, которые приняты в данном социуме в качестве оценочных образцов-эталонов. Как правило, подобные ассоциации носят ярко пейоративный характер с указанием таких качеств, как 'глупость', 'бестолковость'. Эти качества явно превалируют в группе ментальных номинаций, что подтверждает известный тезис об асимметрии языковой оценки и более детальной и дифференцированной репрезентации негативных оценок и эмоций, чем позитивных, которые чаще всего воспринимаются как норма и не нуждаются в детализации.

В структуре зооморфизмов признак ограниченной ментальности, глупости, умственной отсталости часто сочетается с другими пейоративными характеристиками типа 'упрямство', 'высокомерие', 'ротозейство': *баран, осел,*

ишак 'глупый, тупой, упрямый человек', *тетерев*, *тетеря* 'глупый или незадачливый человек', *индюк* 'глупый, заносчивый, надменный человек', *гусак* 'глупый, высокомерный человек'. При общей пейоративной коннотации с указанием неуклюжести и полной, тучной фигуры в структуре полисеманта *корова* указывается ментальный признак: 'толстая неуклюжая, а также неумная женщина'. Вторичные ЛСВ полисеманта *ворона* указывают на непонятливость, несмышленость, рассеянность, невнимательность человека

Широкую сеть вторичных номинаций традиционно представляют названия артефактов. Вторичные пейоративные ЛСВ отмечаются у рус. *чурбан* 'обрубок дерева, бревна; о бестолковом, глупом человеке', *болван* 'грубо отесанный обрубок дерева, чурбан; о бестолковом, глупом человеке', *балда* 'тяжелый молот; бестолковый, глупый человек'. Часто качества и характеристики человека носят синкретический характер в силу дополнительных отсылок на сопутствующие признаки, связанные с высоким ростом человека: *дубина* 'толстая тяжелая палка; о высоком, долговязом человеке; о бестолковом тупом человеке', *орясина* 'большая палка, дубина, жердь; человек очень высокого роста, обычно глупый, бестолковый'.

Глупость человека в ряде случаев связывают с неспособностью хорошо говорить, косноязычием, болтовней, ненужным многословием, что нашло отражение в структуре полисемантов *балаболка* 'украшение; подвеска, висюлька; болтун; пустой человек', *трещотка* 'устройство, с помощью которого производится треск, стук, шум; любитель (любительница) поговорить, болтун (болтуня)', *трепло* 'трепалка; болтун, пустозвон, трепач'.

Репрезентация таких качеств, как изменчивость, непостоянство, резкая смена взглядов, отсутствие собственных убеждений, наблюдается у русских полисемантов *флюгер* 'человек, часто меняющий свои взгляды, убеждения', *вертушка* 'легкомысленный, непостоянный, ветреный человек (преимущественно о женщине)', *марионетка* 'человек, слепо действующий по воле других', *пустышка* 'пустой, легкомысленный человек'. Для номинации глупого человека используется «обувная» метафора: *лапоть* 'о невежественном, отсталом человеке', *сапог* 'о сером, некультурном человеке, о человеке невежественном, ничего не понимающем в чем-либо'.

В качестве истоков вторичных анимистических ЛСВ могут выступать фитонимические номинации. Классическим примером этого служит субстантив *дуб*, являющийся в языковой картине не только символом крепости, мощи, но и тупости, глупости: *дуб* 'крупное листовое дерево; о нечутком, тупом человеке'. Фитонимический код используется при образовании вторичного ЛСВ у русского субстантива *лопух* 'травянистое сорное растение; простоватый, несообразительный человек'.

Отдельные названия пищи используются для характеристики слабовольного, нерешительного человека: *кисель* 'студенистое кушанье, сваренное из ягодного или фруктового сока или молока; вялый, слабый человек', *размазня* 'жидкая каша; вялый, нерешительный человек'. Такие качества, как безвольность, беспомощность, глупость, фиксируются в

структуре вторичного ЛСВ *телятина* ‘мясо телянка как пища; глупый или безвольный, беспомощный человек’.

В качестве источников мотивации ментальных номинаций выступают первичные ЛСВ параметрических, температурных, густаторных, колоративных, люминальных, звуковых и других адъективов, которые в процессе метафоризации и метонимизации актуализируют самые различные признаки широкой ментальной парадигмы: *большой ум, глубокая мысль, широкая образованность, узкое мирозерцание, низкий уровень знаний, тонкий юмор; светлая голова, черные мысли, ясное доказательство, яркое дарование; горячий спор, холодный темперамент, прохладные отношения; редкие способности, жидкий доклад, твердое решение; кислый вид, кислая гримаса; тяжелый взгляд, легкий характер, веский довод.*

В местоименных ментальных конструкциях личное местоимение «я» чаще всего отождествляется с наименованиями лиц, вторичные значения которых указывают на умственные способности (как правило, пейоративного содержания): *Была я дура и есть дура (В.Гроссман); Дура я, самая что ни на есть (И.Ефремов); Я – безумец, я гадок, Я – эгоист бессердечный и злой, Делай что хочешь со мной (Н.Некрасов); Я глупец, дитя, И против ваших слов ответа не имею (М.Лермонтов); Я им кажусь не глуп – я думаю не так; Меня с весенних лет Фортуна невзлюбила: Я ей не нравлюсь – я дурак... (В.Филимонов); А я, глупец, мечтал, что я один любил, Что я один страдал так страстно и глубоко (С.Надсон); Я есть негодяй, хулиган (Е.Попов).*

Таким образом, в ментальное пространство вторичных номинаций включаются переносные ЛСВ различных лексико-грамматических разрядов слов и тематических групп, которые употребляются для выражения интеллектуальных навыков, глубинного уровня сознания, духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе. В качестве основного источника мотивации ментальных наименований выступают первичные ЛСВ субстантивов (зооморфизмы, артефакты, фитонимы), адъективов (параметрические, колоративные, люминальные, температурные, консистентные, густаторные, весовые номинации), а также глаголов и местоимений, которые характеризуются способностью переноситься на непрототипические объекты и концептуализироваться в различного рода ментальных модулах. Все они включаются в общую модель семантического преобразования, идущей по линии от конкретного чувственно воспринимаемого признака к абстрактному ментальному признаку нефизических и нематериальных сущностей и тем самым демонстрируют принцип антропоцентризма в языке.

Литература

1. Алиференко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алиференко . – М.: Academia, 2002. – 230 с.
2. Дебердеева, Е.Е. Концептуальная метафора как средство раскрытия механизмов понимания в русской и английской лингвокультурах / Е.Е.Дебердеева // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. – Пятигорск, 2010.– Вып. XX. – С. 36 – 40.

3. Демьянков, В.З. Ментальный язык / В.З. Демьянко // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – С. 99 –101.
4. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 624 с.
5. Пименова, М.В. Семантика языковой ментальности и импликации / М.В. Пименова // Филологические науки. – 1999. –№ 4. – С. 80 – 86.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ